

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 18, Is. 2, pp. 106-113, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.18.106
www.ejournal15.com

UDC 322/261.7

Soviet State Policy towards Religious School (1918 – early 1920s)

Yury N. Makarov

Sochi state university, Russian Federation
354000 Sochi city, Sovietskaya Str., 26a
Dr. (History), Professor
E-mail: yurymakarov61@yandex.ru

Abstract

This article discusses some of the practical activities of the Soviet state, both in legal and practical terms, related to the enforcement of the Decree on the separation of church and state and school from church. The role of the RCP(b), the Central Executive Committee, People's Committee of Justice and National Education Committee in the implementation of this Decree, as well as activities related to the creation of a unified labor school. The activity of the senior officials, seeking to neutralize the efforts of the Russian Orthodox Church, aimed at organizing non-formal education of children and adolescents in churches and temples in the territory of the USSR.

Keywords: RCP(b), People's Commissariat of Justice, People's Commissariat of Education, Russian Orthodox Church, Unified Labor School, Decree, Cheka, NKVD, secular education.

Введение

Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви (январь 1918 г.) исключал возможность организованного преподавания религиозных вероучений во всех государственных, общественных и иных общеобразовательных учебных заведениях, сохраняя за гражданами советской России возможность «обучать и обучаться религии» лишь «частным образом». Этот пункт декрета вскоре был подкреплён рядом конкретизирующих постановлений. Так, 4 февраля 1918 г. были упразднены должности законоучителей всех вероисповеданий. Отныне категорически запрещалось расходовать на преподавание Закона Божия казенные и специальные средства учебных заведений [1]. 5(18) февраля 1918 г. Госкомиссия по просвещению Народного комиссариата просвещения РСФСР (далее – НКП), приняв специальную резолюцию «О светской школе», дополнила текст декрета пунктом о недопустимости исполнения каких-либо обрядов в стенах школ и вузов [2]. В соответствии с решением коллегии Единой трудовой школы НКП (далее – ЕТШ) начался процесс «освобождения помещений из-под домовых церквей при учебных заведениях и ликвидация имущества этих церквей» [3].

Свою решимость не допускать создания для лиц, не достигших 18-летнего возраста, никаких учебных заведений, где бы изучались религиозные дисциплины, на протяжении нескольких последующих месяцев (апрель – август 1918 г.) неоднократно подтверждали НКП (резолюция Госкомиссии по просвещению от 24 апреля 1918 г. и др.) и Народный комиссариат юстиции (далее – НКЮ) (инструкция НКЮ «О порядке проведения в жизнь

Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви», опубликованная 30 августа 1918 г., и др.) [4–5]. Позднее подобная формулировка будет включена в текст аналогичных декретов, изданных высшими государственными органами Украинской ССР (22 января 1919 г.), Грузинской ССР (15 апреля 1921 г.), Белорусской ССР (11 января 1922 г.), Армянской ССР (26 декабря 1922 г.) и других советских республик [6].

Материалы и методы

Исследование опирается на принципы научной объективности и историзма, что позволило рассматривать политику Советского государства по отношению к конфессиональной школе в контексте определенного исторического времени на основе широкого круга как ранее опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот исторических источников. Среди них – документы, извлеченные из фондов Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), Российского государственного исторического архива (далее – РГИА), Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ).

Обсуждение и результаты

В октябре 1918 г. было выработано положение о ЕТШ. Нарком просвещения А.В. Луначарский дал специальное разъяснение 6 статьи этого положения, говорившей об обязательности светского образования: «Освобождение школы от влияния церкви является не только важным, но прямо-таки существеннейшим завершением ее общего освобождения от того государственного пленения, при котором она являлась рассадником нравственных пороков, именуемых добродетелями рабов» [7]. Попытки полностью запретить преподавание Закона Божия в общеобразовательной школе вызвали резкие протесты широких масс населения [8]. Именно по этой причине посещаемость деревенских школ сократилось не менее чем в 2 раза. Положение в городах вряд ли было лучше. Кажется, не было места, – писал современник, – «где в той или иной форме не были вынесены резолюции о сохранении Закона Божия, если не в качестве обязательного предмета, то в виде необязательного» [9]. Против светской школы высказались Большой совет (а затем и VII делегатский съезд в июне 1918 г.) Всероссийского учительского Союза (ВУСа) [10], полагавшие, что учащиеся до своего совершеннолетия должны обучаться основам вероучения либо в обязательном порядке (первоначальное решение ВУСа), либо (в крайнем случае) – по желанию их родителей. За сохранение Закона Божия одинаково рьяно ратовали, как ЦК Всероссийского союза родительских организаций (уже 23 января 1918 г. заявившего о явных нарушениях принципа автономии русской школы и попрании истинной свободы совести), так и, скажем, 14 тыс. рабочих Алафузовского завода (Казань) [11]. В ряде случаев имели место детские забастовки с требованиями «вернуть батюшку» на рабочее место [12].

Не секрет, что кампания протеста была инициирована самим руководством Православной церкви, оно же ею умело дирижировало впоследствии. Так, весьма авторитетный в православных кругах епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), обращаясь к сельской молодежи, просил ее оставить «всякие бредни об устройении жизни без Бога и без Церкви на основе нового догмата о происхождении человека от обезьяны» [13]. 11 (24) февраля 1918 г. законоучительский отдел Поместного собора устроил объединенное собрание родительских и законоучительских организаций. Резолюция, принятая собравшимися, и впоследствии одобренная всеми членами Собора, расценивала декрет как «посягательство на народные святыни» и призывала всех россиян «ни под каким видом не допускать изъятия из учебных заведений Закона Божия» [14]. Патриарх и Св. Синод своим специальным определением (15/28 февраля 1918 г.) предписывали законоучителям светских учебных заведений всемерно воздействовать на педагогические и родительские советы на местах, чтобы те твердо отстаивали требование сохранения основ вероучения в учебных планах общеобразовательной школы [15]. Были перепробованы все возможные варианты, чтобы обойти соответствующие запретительные резолюции властей: содержание законоучителя на родительские деньги, преподавание Закона Божия в качестве факультативного предмета во внеучебное время, наконец, перенос занятий за стены школьных зданий [16].

РКП(б) и НКЮ предпринимали немалые усилия, направленные на то, чтобы изменить отношение населения к светской школе [17]. Положительно откликнувшись на решение властей отделить школу от церкви в первой половине 1918 г. было совсем немного – часть рабочих, близких к РКП(б), часть большевистски сориентированных учителей, часть гимназистов, «сочувствовавших правительству народных комиссаров» [18]. Поэтому центр акцентировал внимание местных советских работников на необходимости широкого разъяснения массам положений декрета, в первую очередь, о праве родителей обучать своих детей частным образом. К этому же вопросу неоднократно обращалась и периодическая печать, стремившаяся рассеять сомнения тех, кто считал, что лишь страх Божий может предохранить молодое поколение от выбора неправильного жизненного пути и нравственного одичания. Такая тактика дала известный результат. Отчеты школьных инструкторов за 1918 г. свидетельствуют, что в тех местностях, где реализации декрета предшествовала агитационная кампания, неформально организованная и проводившаяся авторитетными среди селян учителями или низовыми советскими работниками, там отделение школы от церкви проходило более или менее спокойно [19]. В декабре 1918 г. был распущен ВУС и сформированы новые педагогические организационные структуры, опиравшиеся на ту часть «Союза учителей-интернационалистов», которая одобрительно относилась к антирелигиозной политике РКП(б) [20]. Благодаря твердой позиции, занятой органами НКП и НКЮ, кампания бойкота советской школы со стороны родительских организаций закончилась безрезультатно. Тяга к знаниям постепенно перевешивала доводы сторонников неперемного сохранения Закона Божия [21]. Родители прикидывали, во что обойдется содержание батюшки на частные средства, и их воинственный пыл понемногу остывал. А духовенство, в свою очередь, осознавая весь дискомфорт положения законоучителя, оставшегося без гарантированного содержания и правовой защиты, теряло желание с прежней энергией добиваться права вести преподавание основ вероучения в стенах общеобразовательной школы, пусть даже в частном порядке. Однако церковное руководство отчетливо понимало и то, что родители в одиночку, сами по себе, без посторонней помощи (особенно в деревне, где 8 из 10 селян были неграмотны) не смогут обеспечить надлежащий уровень религиозно-духовного образования своих детей. Поэтому Патриарх и Св. Синод 3 (16) декабря 1918 г. отдали распоряжение об организации частного церковного преподавания Закона Божия силами церковного причта непосредственно в стенах храма [22]. Доверенные лица патриарха Тихона развозили по уездам Московской губернии инструкции духовенству относительно форм и методов обучения детей при церквях [23]. В петроградской епархии [24] было разработано специальное положение «Об организации религиозно-нравственного воспитания детей и подростков» [25]. На Дону, Дальнем Востоке и других территориях, оказавшихся в зоне контроля белых армий [26], Православная церковь приложила максимум усилий, дабы восстановить старый религиозный порядок обучения детей в школе.

В январе 1919 г. ряд руководящих деятелей НКП, стремясь нейтрализовать усилия РПЦ, направленные на организацию внешкольного образования детей и подростков, попытались (через НКЮ) добиться введения запрета на преподавание Закона Божия в храмах. НКЮ ответил отказом, резонно указав, что такая мера не предусмотрена действующим законодательством о культах (чуть позже это было подтверждено циркуляром VIII отдела НКЮ № 1334 от 11 апреля 1919 г.). Однако ходатаи проявили твердость, и тогда на соединенном заседании коллегии ЕТШ и отдела реформы школы НКП 3 апреля 1919 г. было принято специальное определение (в адрес НКЮ), указывавшее на опасность проведения антисоветской агитации на групповых занятиях по изучению Закона Божия, и заявлено о недопустимости разрешения группового преподавания основ вероучения в частных домах и храмах лицам моложе 18 лет [27–29]. Впрочем, вскоре выяснилось, что столь жесткую позицию в НКП приемлют далеко не все. В ходе ожесточенной дискуссии, вспыхнувшей с подачи А.В. Луначарского на заседании коллегии наркомата 15 апреля 1919 г., много говорилось о сложной обстановке в провинции, охваченной крестьянскими восстаниями, имевших место расправы населения с учителями-безбожниками, о массовых просьбах верующих, поддержанных, кстати, и «Союзом учителей-интернационалистов» [30], восстановить преподавание Закона Божия в стенах школы во внеурочное время. Однако большинство присутствовавших (6 против 2 при 1 воздержавшемся) такой подход

разрешения сложившейся ситуации отвергло, посчитав, как сообщала Н.К. Крупская в ЦК РКП(б), что эта мера лишь упрочит влияние церкви, но не сможет потушить крестьянские волнения, в основе которых лежат, главным образом, экономические причины [31]. Впрочем, споры на сей предмет в недрах НКП на том не утихли, а, напротив, достигли такого накала, что для утихомиривания страстей и «установления истины» потребовалось вмешательство Политбюро ЦК РКП(б), однозначно поддержавшего тех, кто считал, что «отделение школы от церкви – наиболее удавшаяся часть школьной реформы», и потому принципиальные уступки в вопросе о религиозном обучении детей, даже в сохранявшейся непростой внутриполитической обстановке, недопустимы. Позиция Политбюро окажется решающим аргументом в споре, и получит (неоднократно в апреле – июне 1919 г.) теперь уже единогласное одобрение руководства НКП [32]. Обозначенный подход, кстати, соответствовал духу и букве новой партийной программы и характеру решений VIII съезда РКП(б) (март 1919 г.), делегаты которого были убеждены, что лишь став светской, полностью свободной от какого бы то ни было религиозного влияния, советская школа сможет справиться с выполнением своей основной задачи – воспитанием поколения, способного окончательно установить коммунизм [33]. В резолюции VIII съезда РКП(б) «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне» указывалось, что «государственная школа должна быть совершенно отделена от какой бы то ни было религии, и всякие попытки контрреволюционной проповеди под видом религиозной пропаганды должны пресекаться» [34].

Примерно в это же время, в январе 1919 г., НКП отдал распоряжение об изъятии из школьных библиотек сочинений (их учет начался в июле 1918 г.), «не совместимых с духом Единой Трудовой Школы». Решениями (циркулярами) НКП от 3 марта и 4 апреля 1919 г. духовным лицам любых вероисповеданий было запрещено работать в системе народного образования (в т. ч. в качестве вузовских преподавателей) на любых должностях (для снявших сан требовалось особая разрешающая директива властей в каждом отдельном случае) [35].

Впрочем, в инструкции НКЮ от 3 января 1919 г., касавшейся практики осуществления культового законодательства (опубликована в «Известиях» ВЦИК 5 февраля 1919 г.), и в разъяснении НКЮ от 29 апреля 1919 г. [36] указывалось, что с религиозной пропагандой следует бороться не столько карами, сколько хорошо поставленной системой образования, и акцентировалось внимание на необходимости принять «самые энергичные меры для укрепления влияния научной нашей школы, делая ее необходимой и интересной для детей, чтобы они сами и их родители поняли разницу между религиозным опиумом и научным познанием природы и человека».

В конце 1919 г., судя по всему, настроение масс (в данном контексте – православного населения) постепенно меняется в сторону признания (во многом вынужденного) принципов светского образования. Однако полностью переломить ситуацию в вопросе о Законе Божьем властям не удавалось еще в течение многих месяцев.

В первые годы НЭПа, в условиях перехода школы на договорные начала (перевод культурных учреждений с госбюджета на принцип существования за счет натурального самообложения местного населения), в центр посыпались требования возобновить преподавание основ вероучения в рамках школьной программы либо допустить групповое религиозное обучение детей в церквях (с 7 лет). Как грибы стали расти подпольные религиозные школы [37].

Власти, как могли и как умели, боролись с попытками реанимировать клерикальные формы образования. Наркомпрос (решение коллегии от 23 апреля 1921 г. и циркуляр от 30 августа 1921 г.) заявил о своем твердом намерении не допустить воссоздания религиозно-учебных заведений для несовершеннолетних. При этом подчеркивалось, что разрешенное законом изучение Закона Божия частным образом, вне школьных стен, не должно отливаться в форму правильно функционирующих учебных заведений, руководимых духовенством [38–39]. Запрещение школьного и группового преподавания основ вероучения лицам до 18 лет было подтверждено в постановлении ВЦИК от 13 июня 1921 г. и под расписку сообщено отделами управления местных исполкомов церковно-приходским советам [40], а затем продублировано по линии местных ЧК.

В 1922 г. в Уголовном кодексе РСФСР появилась специальная статья (№ 121), каравшая принудительными работами сроком до 1 года за преподавание религиозной веры малолетним и несовершеннолетним в государственных и частных учебных заведениях [41].

3 января 1923 г. Коллегия НКП еще раз подтвердила, что считает всякое систематическое организовано-групповое преподавание основ вероучения несовершеннолетним (по своим характеристикам приближающееся к школьному) безусловно, вредным для общества, «допуская в этой области те или иные уступки лишь в крайних случаях, в зависимости от политических соображений, которые оценить подлежит соответствующим органам». Было пояснено, что под термином «организованное» понимается процесс совместного обучения детей разных родителей, «где бы он ни происходил» [42–43]. Аналогичные резолюции были приняты и в союзных республиках, причем зачастую они были сформулированы в значительно более жестком тоне, чем московские. Так, согласно циркулярам Всеукраинского центрального исполнительного комитета и НКВД (1923–1924 гг.) [44], для несовершеннолетних воспрещалась организация группового изучения основ вероучения в любой форме, где бы то ни было («указывалось, что граждане могут обучаться частным образом», начиная с 18-летнего возраста). Несовершеннолетние не могли состоять членами религиозных общин, присутствовать на общинных собраниях, носящих вероучительный характер (библейских, проповедческих, миссионерских). Созыв самостоятельных детских и юношеских религиозных собраний также не допускался.

15 февраля 1923 г. А. Луначарский писал Г. Чичерину по этому поводу следующее: «... мы отнюдь не запрещаем религиозное образование до 18 лет, как Вы это полагаете, но мы не допускаем никаких коллективных форм такого преподавания на том простом основании, что каждая религиозная школа для детей неминуемо стремится сделаться школой общей грамотности и является, таким образом, конкуренцией для светской советской школы...» [45].

Вместе с тем, провозглашенный партией в условиях НЭПа курс на укрепление союза пролетариата и трудящегося крестьянства потребовал корректировки правительственной линии и в вопросе о конфессиональном образовании. Так, попытка (конец 1922 г. – начало 1923 г.) некоторых советских ведомств (НКЮ в том числе) дать расширительное толкование постановления ВЦИК от 13 июня 1921 г. и статьи 121 Уголовного кодекса в смысле прямого запрета всякого группового обучения детей вне стен школы, не нашла поддержки сессии ВЦИК (май 1923 г.) [46]. В конце 1923 – начале 1924 г., по инициативе Политбюро ЦК и Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б), ЦИК и ВЦИК отдали распоряжение не чинить препятствий в преподавании основ вероучения для лиц, окончивших первую ступень ЕТШ (инструкция НКВД РСФСР от 22 декабря 1923 г.), в том случае, если обучение будет осуществляться либо их родителями, либо особо приглашенными родителями лицами (в т. ч. духовными?) на дому у ученика или на квартире учителя (но только не в помещении храма) [47–48], и при том обязательном условии, что процесс обучения не будет обретать «школьные формы», т. е. на занятиях не будут присутствовать более 3 человек одновременно (из разных семей?) [49].

Выводы

Таким образом, несмотря на все принимавшиеся в первое послереволюционное десятилетие партийно-советскими органами усилия по реализации декрета об отделении государства и школы от церкви, включая и административные меры, выдвинуть религию и церковь из реальной жизни российских граждан, в общем и целом не удалось. В 1918–1920-е гг. большая часть населения страны по-прежнему испытывала потребность в вере, в религиозной мотивации моральных ценностей и норм поведения.

Примечания:

1. Собрание узаконений и распоряжение Рабочего и крестьянского правительства [РСФСР] (далее – СУ). 1918. № 24. Ст. 339.
2. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. Сборник документов за 1917–1947 гг. В 2-х вып. Вып. 1. М.–Л.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1947. С. 119–120.

3. Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского правительства по народному образованию. В 2-х вып. Вып. 1. М.: Наркомпрос, 1919. С. 18.
4. Известия ВЦИК. 1918. 5 сентября.
5. СУ. 1918. № 62. Ст. 685.
6. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других советских социалистических республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбекской и Туркменской. 3-е изд., перераб. / Под ред. П.А. Красикова. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1926. С. 4–5, 363 и др.
7. Единая трудовая школа. М.: ВЦИК, 1918. С. 11.
8. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 691. Л. 1.
9. Титлинов Б.В. Церковь во время революции. Пг.: Былое, 1924. С. 128–129.
10. Рындзюнский П.Г. Борьба за преодоление религиозных влияний в советской школе (1917–1919 гг.) // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 68.
11. Титлинов Б. В. Церковь во время революции. С. 124, 126.
12. Церковные ведомости. 1918. № 13–14. С. 479.
13. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 712. Л. 167.
14. Церковные ведомости. 1918. № 7–8. С. 30–33, 321–322 и др.
15. Макаров Ю.Н. Власть и церковь в России после Октября 1917 // История и историки в контексте времени. 2009. № 6. С. 67–81.
16. РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 56. Л. 35–43, 47–50 и др.
17. Макаров Ю.Н. Практика реализации декрета «Об отделении церкви от государства» в первые годы советской власти // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2009. № 1. С. 186–194.
18. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 1. Д. 47. Л. 63–63об.
19. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 4. Д. 121. Л. 25. Д.400. Л. 89–92.
20. Протоколы Первого Всероссийского съезда по просвещению. М.: Наркомпрос, 1919. С. 35.
21. Рындзюнский П. Г. Борьба за преодоление религиозных влияний в советской школе (1917–1919 гг.). С. 79.
22. РГИА. Ф. 831. Оп. 8. Д. 8. Л. 140.
23. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 789. Л. 140 и др.
24. Одинцов М.И. Государство и церковь в России: XX век. М.: Луч, 1994. С. 58.
25. Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945 гг. СПб.: Лики России, 1995. С. 36.
26. Кандидов Б. Церковь и гражданская война на юге. М.: Безбожник, 1931. С. 114–123.
27. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 1. Д. 638. Л. 23.
28. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 4. Д. 46. Л.73–74.
29. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 5. Д. 247. Л. 13 и др.
30. Народное просвещение. 1919. № 13–14. С. 135.
31. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 27. Д. 1390. Л. 274.
32. Наука и религия. 1988. № 2. С. 20–21.
33. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. Т. 2. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1983. С. 81–82.
34. КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 114.
35. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 95. Д. 81. Л. 5.
36. Гидулянов П.В. Церковь и государство по законодательству РСФСР... С. 8.
37. РГАСПИ. Ф. Р-17. Оп. 61. Д. 167. Л. 9, 16.
38. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 1. Д. 638. Л. 23.
39. ГАРФ. Ф. Р-2314. Оп. 1. Д. 10. Л. 215.
40. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 7. Д. 9. Л. 18, 38–41 и др.
41. СУ. 1922. № 15. С. 220.
42. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 1. Д. 1777. Л. 2.
43. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 1. Д. 2101. Л. 41, 44.
44. Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства в СССР. С. 32–37, 363.

45. ГАРФ. Ф. Р-2306. Оп. 1. Д. 839. Л. 20.
46. Наука и религия. 1988. № 2. С. 20–21.
47. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 7. Д. 9. Л. 18, 38–41.
48. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 69. Д. 29. Л. 39.
49. Савинский С.Н. История русско-украинского баптизма. Одесса: Богомыслие, 1995. С. 89–90.

References:

1. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenie Rabocheho i krest'janskogo pravitel'stva [RSFSR] (dalee – SU). 1918. № 24. St. 339.
2. Direktivy VKP(b) i postanovlenija Sovetskogo pravitel'stva o narodnom obrazovanii. Sbornik dokumentov za 1917–1947 gg. V 2-h vyp. Vyp. 1. M.–L.: Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1947. S. 119–120.
3. Sbornik dekretov i postanovlenij Rabocheho i Krest'janskogo pravitel'stva po narodnomu obrazovaniju. V 2-h vyp. Vyp. 1. M.: Narkompros, 1919. S. 18.
4. Izvestija VCIK. 1918. 5 sentjabrja.
5. SU. 1918. № 62. St. 685.
6. Giduljanov P.V. Otdelenie cerkvi ot gosudarstva v SSSR. Polnyj sbornik dekretov, vedomstvennyh rasporyazhenij i opredelenij Verhovnogo Suda RSFSR i drugih sovetskikh socialisticheskikh respublik: USSR, BSSR, ZSFSR, Uzbekskoj i Turkmenskoj. 3-e izd., pererab. / Pod red. P.A. Krasikova. M.: Juridicheskoe izdatel'stvo NKJu RSFSR, 1926. S. 4–5, 363 i dr.
7. Edinaja trudovaja shkola. M.: VCIK, 1918. S. 11.
8. GARF. F. А-353. Оп. 2. Д. 691. Л. 1.
9. Titlinov B.V. Cerkov' vo vremja revoljucii. Pg.: Byloe, 1924. S. 128–129.
10. Ryndzjuskij P.G. Bor'ba za preodolenie religioznyh vlijanij v sovetskoj shkole (1917–1919 gg.) // Voprosy istorii religii i ateizma. Vyp. 3. M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. S. 68.
11. Titlinov B. V. Cerkov' vo vremja revoljucii. S. 124, 126.
12. Cerkovnye vedomosti. 1918. № 13–14. S. 479.
13. GARF. F. А-353. Оп. 2. Д. 712. Л. 167.
14. Cerkovnye vedomosti. 1918. № 7–8. S. 30–33, 321–322 i dr.
15. Makarov Ju.N. Vlast' i cerkov' v Rossii posle Oktjabrja 1917 // Istorija i istoriki v kontekste vremeni. 2009. № 6. S. 67–81.
16. RGIA. F. 833. Оп. 1. Д. 56. Л. 35–43, 47–50 i dr.
17. Makarov Ju.N. Praktika realizacii dekreta «Ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva» v pervye gody sovetskoj vlasti // Vestnik Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta turizma i kurortnogo dela. 2009. № 1. S. 186–194.
18. GARF. F. R-130. Оп. 1. Д. 47. Л. 63–63ob.
19. GARF. F. R-2306. Оп. 4. Д. 121. Л. 25. Д.400. Л. 89–92.
20. Protokoly Pervogo Vserossijskogo s#ezda po prosveshheniju. M.: Narkompros, 1919. S. 35.
21. Ryndzjuskij P. G. Bor'ba za preodolenie religioznyh vlijanij v sovetskoj shkole (1917–1919 gg.). S. 79.
22. RGIA. F. 831. Оп. 8. Д. 8. Л. 140.
23. GARF. F. А-353. Оп. 3. Д. 789. Л. 140 i dr.
24. Odincov M.I. Gosudarstvo i cerkov' v Rossii: HH vek. M.: Luch, 1994. S. 58.
25. Shkarovskij M.V. Peterburgskaja eparhija v gody gonenij i utrat. 1917–1945 gg. SPb.: Liki Rossii, 1995. S. 36.
26. Kandidov B. Cerkov' i grazhdanskaja vojna na juge. M.: Bezbozhnik, 1931. S.114–123.
27. GARF. F. R-2306. Оп. 1. Д. 638. Л. 23.
28. GARF. F. R-2306. Оп. 4. Д. 46. Л.73–74.
29. GARF. F. А-353. Оп. 5. Д. 247. Л. 13 i dr.
30. Narodnoe prosveshhenie. 1919. № 13–14. S. 135.
31. GARF. F. R-393. Оп. 27. Д. 1390. Л. 274.
32. Nauka i religija. 1988. № 2. S. 20–21.
33. KPSS v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i plenumov CK. 9-e izd., ispr. i dop. T. 2. M.: Institut marksizma-leninizma pri CK KPSS, 1983. S. 81–82.
34. KPSS v rezoljucijah... T. 2. S. 114.

35. GARF. F. R-1235. Op. 95. D. 81. L. 5.
36. Giduljanov P.V. Cerkov' i gosudarstvo po zakonodatel'stvu RSFSR... S. 8.
37. RGASPI. F. R-17. Op. 61. D. 167. L. 9, 16.
38. GARF. F. R-2306. Op. 1. D. 638. L. 23.
39. GARF. F. R-2314. Op. 1. D. 10. L. 215.
40. GARF. F. A-353. Op. 7. D. 9. L. 18, 38–41 i dr.
41. SU. 1922. № 15. S. 220.
42. GARF. F. R-2306. Op. 1. D. 1777. L. 2.
43. GARF. F. R-2306. Op. 1. D. 2101. L. 41, 44.
44. Giduljanov P. V. Otdelenie cerkvi ot gosudarstva v SSSR. S. 32–37, 363.
45. GARF. F. R-2306. Op. 1. D. 839. L. 20.
46. Nauka i religija. 1988. № 2. S. 20–21.
47. GARF. F. A-353. Op. 7. D. 9. L. 18, 38–41.
48. GARF. F. R-1235. Op. 69. D. 29. L. 39.
49. Savinskij S.N. Istorija russko-ukrainskogo baptizma. Odessa: Bogomyslie, 1995. S. 89–90.

УДК 322/261.7

Политика Советского государства по отношению к конфессиональной школе (1918 – начало 1920-х гг.)

Юрий Николаевич Макаров

Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354003 Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: yurymakarov61@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые практические мероприятия Советского государства, как в правовой, так и практической плоскости, связанные с проведением в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Показана роль РКП(б), ВЦИК, Народного комитета юстиции и Народного комитета просвещения в реализации данного декрета, а также мероприятия, связанные с созданием Единой трудовой школы. Анализируется деятельность высших должностных лиц, стремящихся нейтрализовать усилия Русской православной церкви, направленные на организацию внешкольного образования детей и подростков в церквях и храмах на территории СССР.

Ключевые слова: РКП(б), наркомат юстиции, наркомат просвещения, Русская православная церковь, Единая трудовая школа, декрет, ВЧК, НКВД, светское образование.